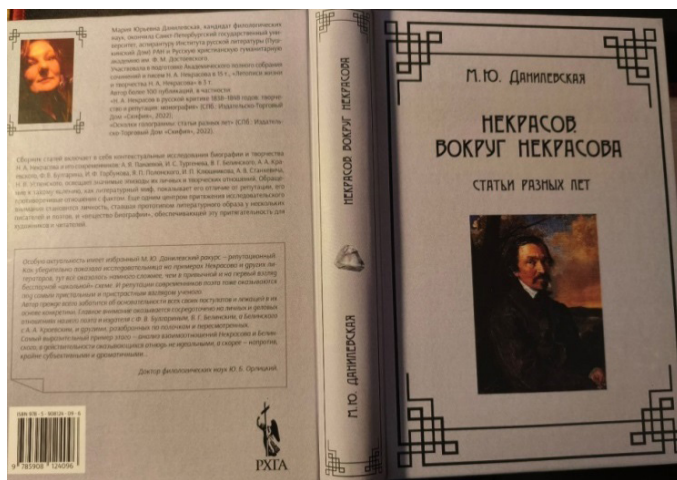

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ: РЕЦЕНЗИЯ

К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА

© Г. Н. Боева¹

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: **ДАНИЛЕВСКАЯ М. Ю. НЕКРАСОВ. ВОКРУГ НЕКРАСОВА: СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ /** **М. Ю. ДАНИЛЕВСКАЯ. – СПБ.: РХГА, 2026. – 448 С.**

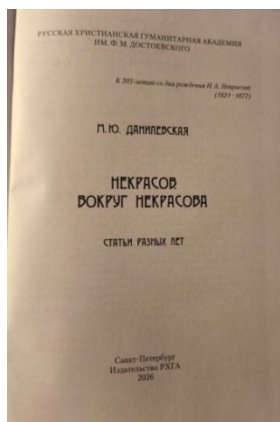

Представленный к рецензии сборник статей Марии Юрьевны Данилевской, опубликованных, как сообщает в предисловии автор, преимущественно в последние шесть лет, логически и тематически примыкает к вышедшей в 2022 г. книге «Осколки голограммы», посвященной личности и творчеству Н. А. Некрасова. В настоящем сборнике, приуроченном, кстати, к 205-летию со дня

1 Галина Николаевна Боева – доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Института бизнес-коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. ORCID: 0000-0002-6021-3687. E-mail: g_boeva@rambler.ru.

рождения поэта, ощутим тот же «голограммный» код – стремление максимально объемно представить портрет своего героя в подробно реконструированном контексте эпохи. В свою очередь, пронизанность этой книги общим током мотивов и исследовательских интересов придают ей характер монографии. «Собранность» книге придает и ее структурно-логическая упорядоченность: от истоков творчества и контекстов раннего Некрасова – к анализу поэтики лирики и интерпретации ключевых событий, обусловивших его литературную репутацию, а затем – к литературным связям и контексту эпохи.

И этот композиционный замысел, надо сказать, работает безупречно. Читатель движется от частного к общему, от факта к смыслу, от текста – к стоящему за ним человеку и эпохе. Книга выстроена не как случайный набор статей, а как вполне продуманная монография с единым движением мысли, в которой каждый последующий блок углубляет и проблематизирует предыдущий. Особенно ценно, что автор не замыкается на фигуре самого Некрасова, но постоянно расширяет рамку, включая в поле зрения его современников, предшественников, учеников и оппонентов – тех, в «хоре» и на фоне которых только и может быть услышано соло поэта.

Надо ли говорить, что имя и творчество Некрасова сопряжены с большим количеством мифов и взаимоисключающих стереотипов и клише – как прижизненных, так и созданных советским литературоведением. Некрасов как никакой другой классик нуждается в новом прочтении. Пишущая эти строки – преподаватель в двух вузах, где студенты гуманитарного направления (к счастью, не филологической специализации) о Некрасове помнят только то, что он написал поэму «Кому на Руси жить хорошо?» о мужиках. Непростую задачу переосмысления литературной репутации Некрасову и приближения к нему как к гению

стиха и мысли (вспомним о «выше Пушкина» на похоронах поэта и слова о нем Гумилева) и решает М. Ю. Данилевская, бережно и подробно воссоздавая литературную картину второй половины XIX столетия. Пристальная оптика исследовательницы позволяет, не отвергая устоявшихся литературоведческих оценок, дополнить их новыми наблюдениями и проинтерпретировать в более объективном свете.

В этом смысле показателен сам заголовок сборника – «Некрасов. Вокруг Некрасова». Он точно передает двойной фокус исследовательского зрения: в центре всегда остается поэт, но увидеть его можно только в том случае, если разглядеть и тех, кто его окружает, с кем он спорит, дружит, расходится, кому пишет стихи и от кого их прячет. Этот прием – «смотрение через других» – позволяет Марии Данилевской избежать как апологетики, так и разоблачительства, той опасной игры, в которую нередко скатываются биографы и исследователи великих людей, слишком буквально наследующие Сент-Беву.

В частности, в книге проясняются нюансы сложных взаимоотношений Некрасова как редактора и издателя с литераторами его эпохи – В. Г. Белинским, Ф. В. Булгариным, А. А. Краевским, И. С. Тургеневым. Неприятные обертоны прижизненной литературной репутации Некрасова («кулак», «эксплуататор», «торгаш»), перешедшие в литературоведческий «багаж» последующих поколений, при таком подходе подвергаются переосмыслению и оказываются аберрацией. Из сопоставления фактов, например, касающихся этико-поведенческих приоритетов Белинского, обнаруживаются истинные убеждения и мнения Некрасова, как выясняется, не так уж повинного в известных издательских конфликтах.

Яснее вырисовываются и непростые отношения Некрасова с Тургеневым – в том числе за счет вскрытия общей основы их творчества, восходящей к русской действительности 40-х годов и психологии «человека сороковых годов» (исследовательские сюжеты о И. П. Ключникове, Н. Д. Ступине, Л. Г. Шелгуновой). Вообще, воссоздание «культурного ландшафта» эпохи в книге М. Ю. Данилевской (не забудем названия: «Вокруг Некрасова») столь же важно, как и разговор о заглавном герое. По этому поводу в одной из глав автор говорит о важности т. н. второстепенных фигур литературного процесса, ведь именно они наиболее наглядно выражают мейнстримные настроения эпохи и, следуя житнетворческим моделям, часто становятся литературными прототипами – в том числе некрасовской лирики.

Особенно убедительно это демонстрируется в главах, посвященных И. П. Ключникову и Н. В. Успенскому. В первом случае мы видим, как реальная

человеческая судьба – с ее драмами, болезнями, угасанием – становится «общим местом» для нескольких писателей одновременно: Тургенева, Полонского, Станкевича. Каждый из них «присваивает» Ключникова по-своему, вылепливая из него разного литературного героя. Во втором случае – с Успенским – автор показывает обратную перспективу: как сам литератор «второго ряда» смотрит на великих современников и что из этого смотрения получается. И вывод оказывается неожиданным: Успенский, при всех своих несомненных дарованиях, оказывается человеком, которому культура как таковая – безразлична. Он не заводит, не борется, не ищет – он просто не видит того, что видят другие. Это наблюдение, на мой взгляд, – одно из самых сильных в книге: оно объясняет не только судьбу Успенского, но и саму природу литературного «второго ряда».

Проливается в книге свет и на многолетние драматичные взаимоотношения Некрасова с А. Я. Панаевой, причем в этой части исследования автор основывает свои наблюдения не только на эго-документах и фактах, но и на подробном анализе (в том числе текстологическом) лирических текстов, посвященных возлюбленной. Заметим, что собственно поэтологическая часть книги М. Ю. Данилевской органично связана с контекстуальными исследованиями, и из рассмотрения динамики поэтической мысли в развитии лирического сюжета произрастают интересные открытия – например, по поводу стихотворения «Буря», в котором фигурирует «Дунюшка-соседка», а не «Любушка», как в более поздней версии. В интерпретацию любовной лирики Некрасова Марии Данилевской удалось привнести действительно много нового и свежего – и здесь, как и повсюду, реконструируемый контекст помогает приблизиться к пониманию поэтики некрасовских текстов. Например, становится более очевидной связь мелодраматических эффектов, присущих зрелой некрасовской лирике, с его ранними опытами, написанными «из хлеба», с театральным бэкграундом эпохи (исследовательский сюжет о В. Асенковой-«Офелии»). Вообще, эффект «голограммы» при чтении исследовательских сюжетов автора книги проявляется в том, что образ Некрасова облекается плотью и кровью, становится живым – он и буквально оживает на страницах, посвященных манере декламации и внешнему, физическому облику поэта. Оживает само «вещество биографии», как выражается Мария Юрьевна в одном из своих исследовательских сюжетов.

Особенно я бы хотела отметить ту роль, которую в книге играет театр. Мария Данилевская последовательно показывает, что театральность – не внешний атрибут некрасовской поэтики, а ее глубинная основа. Мелодраматические приемы, гипербола, крупный план, диалогическая структура, смена масок – все

это не просто дань «эпигонству» ранних лет, но осознанный художественный инструмент, который Некрасов пронес через всю свою зрелую лирику. И здесь автору удастся сделать важное наблюдение: театральность Некрасова – это не желание уйти от реальности, а способ ее максимально интенсивно пережить. Он не прячется за маской – он через маску говорит громче и отчетливей.

Как мне кажется, рецензируемая книга и по слогу, и по методу вписывается в аналитическую традицию литературоведения, представленную в трудах Л. Я. Гинзбург (на ее идеи о роли человеческого документа в оформлении психологической прозы ссылается автор). Представляется, что автор движим тем же стремлением воссоздать нелинейную психологию героев своей книги и их зачастую парадоксальное поведение вследствие множества разнонаправленных импульсов и влияний. В этой связи примечателен исследовательский сюжет о тургеневской концепции «гамлетов» и «дон-кихотов», спроецированной на главного героя книги, которого М. Ю. Данилевская осмысляет в сложной диалектике двух психотипов с приоритетным акцентом на «действие». Как примечательную и симпатичную особенность исследования отметим постоянный учет современной оптики восприятия (в частности, в данном этюде это учет социологии как фона для заключений).

И еще очень важный момент. Данилевская не боится современного языка описания – она использует соционику, теорию психотипов, не как метод, а как остранение, как способ увидеть знакомое под неожиданным углом. При этом она никогда не подменяет анализ, а лишь подсвечивает его извне. Точно так же она работает и с другими контекстами: кинематографическими, актерскими, музыкальными. Книга дышит не только архивами, но и воздухом сегодняшнего дня – и это делает ее не просто историко-литературным исследованием, а живым разговором о том, как вообще работает человеческая память и культурное сознание.

Отметим еще одну примету добросовестности анализа М. Ю. Данилевской: на протяжении всей книги, прежде чем приступить к аналитической части, она уточняет смысл слов и понятий, подлежащих исследованию. Так, крайне важными в контексте главного сюжета книги представляется разведение понятий «миф» и «литературная репутация»; крайне интересное психологическое заключение родится из уточнения семантики эпитета «ревнивый» в контексте любовной лирики Некрасова. И эта текстологическая и терминологическая чистота – одна из главных профессиональных добродетелей автора. Она не позволяет ни себе, ни читателю скользить по поверхности значений, настаивает на различении того, что в обыденном сознании слито.

Наконец, скажем о едва ли не самом главном. Особого внимания заслуживает методологическая позиция М. Ю. Данилевской. В предисловии она намеренно дистанцируется от модных литературоведческих трендов и декларирует приверженность «архаичным», но, как она справедливо замечает, «рабочим» методам – биографическому, психологическому и культурно-историческому. И это не консервативная поза, а осознанный методологический выбор. Данилевская убедительно доказывает, что эти инструменты, будучи проверенными временем, позволяют добиться не меньшей, а порой и большей глубины, чем новомодные теории. Текст для нее – не самодостаточная конструкция, а живой диалог между автором, эпохой и читателем. Именно этот подход позволяет ей избежать как социологического редуccionизма (объяснения поэзии исключительно «классовой ненавистью» или социальным положением поэта), так и формалистической сухости, когда текст исследуется в отрыве от породившей его человеческой личности. Ее интерпретации всегда укоренены в исторической и психологической конкретике, но никогда не сводятся к ней – они всегда выводят на уровень обобщения, на уровень понимания художественного мира Некрасова как целостной системы.

Центральным методом исследования становится «гипотетическая реконструкция». Этот подход в исполнении Данилевской обретает стройность и убедительность. Она не додумывает факты, не подгоняет их под желаемую схему, а выстраивает вероятностные цепочки, опираясь на совокупность косвенных данных: от черновиков стихов и писем до театральных афиш и финансовых счетов. Условием жизнеспособности такой реконструкции, как подчеркивает сам автор, становится ее внутренняя непротиворечивость по отношению к подтверждаемым фактам и связям в их совокупности. Такой подход позволяет, например, по-новому датировать стихотворение «Офелия», связав его не только с театральным впечатлением, но и со скандалом вокруг Асенковой, который произошел практически одновременно с публикацией. Или увидеть в «Панаевском цикле» не просто хронику любовной драмы, а сложную поэтическую мысль о жизни и смерти, где ревность оказывается не бытовым чувством, а синонимом витального «рвения» – в том высоком значении, которое это слово имело в языке XIX века. Это превращает Некрасова из заложника собственной биографии, из «жертвы обстоятельств», в художника, который творит свою судьбу и свою поэзию как единый текст, где каждое событие личной жизни становится материалом для напряженной рефлексии.

Особого внимания заслуживает статья «Повесть И. С. Тургенева “Довольно” в контексте истории разрыва с Некрасовым». Данилевская блестяще переводит разговор из плоскости бытовых обид (конфликт из-за статьи Добролюбова

или рецензии Чернышевского) в экзистенциальную плоскость. Для Тургенева принципиальным оказывается отношение к искусству как к самоценной реальности, не сводимой к иллюстрации общественных проблем. В его понимании искусство «несомненное римского права или принципов 89-го года», оно – особая форма жизни и познания. Обида писателя вызвана тем, что Некрасов как издатель, по его мнению, предал эту сакральную суть, позволив низвести литературу до роли суррогата действительности, до «фабрики повестей и романов». Такой поворот не только проясняет личный разрыв, но и высвечивает важнейший водораздел в русской культуре XIX века – конфликт между «эстетикой» и «реальной критикой», между пониманием искусства как высшей духовной деятельности и как инструмента общественного переустройства. Некрасов в этой интерпретации предстает не как «конформист» или «прагматик», а как человек, сделавший сложный, трагический выбор в пользу «дела», но при этом сохранивший глубокое, почти благоговейное уважение к бывшему другу, что и демонстрируют его стихотворения-обращения, пронизанные не обидой, а тоской по утраченной общности и пониманием того, что вражда – результат не личных амбиций, а «моря царящего зла».

Не менее значим и блок статей, посвященных «литераторам второго ряда». Обращаясь к фигурам И. П. Ключникова, Н. Д. Ступина, Л. П. Шелгуновой, М. Ю. Данилевская решает двойную задачу. С одной стороны, она восстанавливает «вещество биографии» – тот реальный культурный слой, ту человеческую плоть эпохи, которая питала творчество Тургенева, Полонского и самого Некрасова. С другой – она демонстрирует механизм мифологизации, показывая, как реальный человек (прототип) и его литературное воплощение могут существовать в сложных, неочевидных, а порой и конфликтных отношениях. Особенно ярко это видно в главе о Н. В. Успенском. Автор не только блестяще деконструирует миф о «писателе-пролетарии», созданный К. И. Чуковским, но и показывает, что отсутствие внутреннего интереса к культуре, то, что она называет «незаинтересованностью», превращает талантливого человека в «литературного пролетария» не по социальному, а по духовному статусу. Успенский не был беден и не был обделен признанием – он был лишен главного: жажды творчества как способа жизни, как способа быть в диалоге с миром. Этот вывод выходит далеко за рамки биографии Успенского и становится важным наблюдением о природе творчества как такового: талант без любви к слову, без «жажды дела», без стремления к саморазвитию обречен на иссыкание, и никакие социальные или материальные блага не могут заменить эту внутреннюю потребность.

Наконец, хотелось бы отметить и особый стиль книги. Она написана живым, образным, но при этом строгим научным языком, в котором исследовательская точность органично сочетается с эмоциональной вовлеченностью автора. Данилевская не боится личных оценок, но они всегда подкреплены скрупулезным анализом и выверенной аргументацией. Ее книга – это не холодный академический труд, а напряженный, страстный разговор о человеке и поэте, о том, как личность творит себя в слове и как слово творит личность. Эта интеллектуальная честность и одновременно увлеченность делают книгу не только профессионально ценной, но и увлекательной для широкого круга читателей, интересующихся историей русской литературы и судьбами ее героев.

Говоря о вкладе рецензируемой работы в науку, следует подчеркнуть, что она решительно раздвигает горизонты некрасоведения. Автор не просто предлагает новые трактовки известных текстов и событий – она меняет сам угол зрения на Некрасова, предлагая видеть в нем не только социального поэта или жертву обстоятельств, но и сложную, противоречивую, глубоко рефлексирующую личность, которая свой главный диалог вела не с критиками и не с властями, а с самой жизнью и со своим временем. Книга Данилевской убедительно показывает, что Некрасов – это не памятник, а живой голос, и этот голос звучит тем громче и яснее, чем внимательнее мы вслушиваемся в контексты, их породившие. Именно в этом, думается, и заключается главная заслуга этой умной, честной и глубокой книги.

Кстати, последняя статья в сборнике («Писатель»: Н. И. Успенский на страницах собственных воспоминаний») заканчивается некрасовскими стихами:

...Братья-писатели! В нашей судьбе
Что-то лежит роковое:
Если бы все мы, не веря себе,
Выбрали дело другое –
Не было бы точно, согласен и я,
Жалких писак и педантов –
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов!
Что одного возвеличить, борьба
Тысячи слабых уносит –
Даром ничто не дается: судьба
Жерт искупительных просит.

Напомним, что здесь автор использует излюбленный прием самого Некрасова, главного героя книги: в качестве аргумента приводит хорошие стихи.

Сборник надежно оснащен научным аппаратом: списком литературы, алфавитными указателями имен, произведений, отдельно произведений Некрасова, указателем персонажей и прототипов, списком сокращений. Все перечисленное становится надежным навигатором в руках читателя, об удобстве которого позаботился автор.

Достоинства рецензируемой книги столь неоспоримы, что не возникает сомнения: она станет весомым вкладом и в современное некрасоведение, и в науку о литературе.

Рецензия поступила в редакцию 08.07. 2026 г.